

ных навыков работы в государственных органах власти и управления. По оценке работников отдела кадров ЦК КП(б)Б, из подобранных из числа партизан председателей районных и городских исполкомов в 1943–1944 гг. лишь 36,2 % работали «не плохо» [2, л. 17]. Часть новых руководителей использовали свое новое служебное положение в корыстных целях. Испытание мирным временем прошли далеко не все, кто показал себя с лучшей стороны в период борьбы с оккупантами. Те качества, которые были востребованы в ситуации вооруженной борьбы с врагом (решительность, бескомпромиссность, готовность жертвовать и своей жизнью, и жизнью других ради достижения победы), вступали в противоречие с необходимостью действовать в рамках существовавшего советского законодательства, руководить убеждением и умением, а не ставшими привычными приказом и принуждением. По мере прибытия из частей Красной Армии и тыловых районов СССР людей с довоенным опытом руководящей работы в органах государственной власти и управления только меньшая часть партизанских кадров сохраняла свои должности, основная же их часть заменялась и переводилась на другие участки работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 303.
2. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 395.
3. НАРБ. – Ф. 4п. – Оп. 41. – Д. 302.
4. О работе отделов кадров партийных органов. – Минск : Госизд-во БССР, 1945. – 108 с.

УДК 94(430):27(470)

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И НЕМЕЦКИЙ НАЦИЗМ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗМОЖНОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

А. П. Елопов

*Учреждение образования «Белорусский государственный
университет транспорта», г. Гомель*

Статья содержит принципиальную оценку политики нацистской Германии по отношению к Русской православной церкви. Автор утверждает, что надежды части православных верующих СССР на возрождение церковной жизни под властью немецких оккупантов имели призрачный характер. Нацистская идеология была враждебна русскому православию не менее, а даже более советского коммунизма, поскольку радикально отрицала христианскую систему ценностей и обосновывала уничтожение народов, духовно окормляемых РПЦ.

Русская православная церковь (РПЦ) внесла весомый вклад в победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками и на современном этапе проводит большую работу по сохранению памяти о Великой Отечественной войне. Но именно верность исторической правде не позволяет нам забыть о том, что часть православного духовенства и активных мирян в 1941 г. приветствовала гитлеровское нашествие на СССР. На что надеялись эти люди, и насколько оправданными были их надежды?

Довоенная политика советского государства (насильственная коллективизация, массовые репрессии и т. д.) оставляла после себя слишком много обид, разочарований и жажды мщения. По наблюдению отечественного историка, «самым характерным для населения Беларуси 1930-х являлось ожидание войны, разговоры о которой велись постоянно: крестьяне сначала ждали прихода поляков, потом немцев и японцев и даже англичан» [6, с. 117], считая, что в условиях военного времени непопулярные порядки (колхозы и др.) будут отменены.

Особое недовольство верующих (а к ним, согласно общесоюзной переписи населения 1937 г., относилось не менее половины советских граждан) вызывали гонения на религию, в частности, на православие. По подсчетам Комиссии по реабилитации Московской Патриархии, к 1941 г. в СССР за веру было репрессировано 350 тыс. православных христиан (в том числе не менее 140 тыс. священнослужителей) [8, с. 93]. Во многих областях огромной страны, в том числе на территории БССР (без Западной Белоруссии) накануне Великой Отечественной войны не осталось ни одного легально действующего православного храма.

Начавшаяся война полностью развеяла иллюзию торжества атеизма в советском обществе. Произошел настоящий взрыв религиозных чувств в народе. Особенно очевидным это было на оккупированной территории СССР, где верующие всего за три года в условиях голода и разрухи восстановили более 40 % от дореволюционного количества церквей [8, с. 182]. Во вновь открытых храмах совершалось порой по несколько тысяч крещений и венчаний в течение недели; после долгого перерыва стало возможным невозбранное преподавание Закона Божия детям и взрослым. Что касается оккупационных властей, то в большинстве случаев они к происходящему относились нейтрально, а в некоторых – даже демонстрировали свое одобрение.

С учетом таких настроений и обстоятельств неудивительно, что среди православных христиан нашлись те, кто поспешил увидеть в начале реализации «Барбароссы» милость Божию по отношению к народам СССР. Один из них, архимандрит Иоанн (Шаховской), в будущем известный духовный писатель, в июне 1941 г. опубликовал статью со следующими словами: «Промысл избавляет русских людей от новой гражданской войны, призывая иноземные силы исполнить свое предназначение. Право на операцию свержения III Интернационала поручается искусному и опытному в науке своей германскому хирургу. Лечь под его хирургический нож тому, кто болен, не зазорно...» [2, с. 101].

Впрочем, число подобных заявлений со стороны православного духовенства, находящегося во владениях Третьего Рейха, было не так уж и велико. Сам Иоанн (Шаховской) кроме процитированной статьи ничего более в поддержку германского оружия не написал. И дело здесь не столько в том, что поход немецких войск на восток к концу осени 1941 г. утратил свой триумфальный характер, сколько в том, что постепенно обнажилась антихристианская и людоедская сущность нацизма.

Уже после войны широкой общественности стали известны многочисленные высказывания А. Гитлера, полные презрения к христианству. Так, например, нацистский вождь считал Священное Писание христиан сплошным шарлатанством. Он говорил, что те «...набожные люди, которые <...> прибегают к помощи Библии, делаются умственно неполноценными. Ведь они вынуждены вносить в эту еврейскую дребедень некий смысл, которого там вообще нет» [3, с. 346]. Христианские ценности равенства и братства, всепрощения и сострадания рассматривались Гитлером в качестве «псевдобольшевизма», не менее опасного для европейской культуры, чем настоящий большевизм Ленина и Сталина.

Считаясь до известной степени с консерватизмом немецкого общества, Гитлер высказывал столь шокирующие идеи лишь в узком кругу своих приближенных. Официально нацистская партия стояла на позиции «позитивного христианства», в котором, однако, ничто не напоминало Евангелие Христово. Гитлеровский министр по делам церкви Ганс Керрль провозглашал: «Национал-социализм – это волеизъявление господ бога, воля бога воплощается в немецкой крови. Истинным олицетворением христианства является партия, а партия – и в первую очередь фюрер – призывает немецкий народ поддержать истинное христианство. Фюрер – выразитель новой божественной воли» [4, с. 304].

Наряду с атеистами (к ним, скорее всего, принадлежал сам Гитлер и совершенно точно – влиятельный секретарь фюрера М. Борман) и искренними сторонниками «немецкого христианства» (одним из них считался В. Кубе) в НСДАП имелись поклонники языческой мистики и оккультизма (например, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и главный нацистский идеолог А. Розенберг). Всех их объединял расизм, который «...составляет краеугольный камень нацизма точно так же как марксизм – краеугольный камень большевистского тоталитаризма» [5, с. 242]. По мнению православного богослова и священника С. Булгакова, именно благодаря своей расистской доктрине нацизм превратился в самую острую форму антихристианства за всю мировую историю. Большевики противопоставили христианской вере голое неверие и прямое насилие, а нацисты – религиозный соблазн, достойный апокалиптического «сына погибели». В Третьем Рейхе «религия расизма победно заняла место христианского универсализма» [1, с. 363].

Расовая доктрина нацизма продиктовала беспощадное отношение к восточным славянам, заложенное в печально-знаменитый план «Ост». В свете данного факта становится очевидным, что все якобы дружественные жесты, допущенные немецкими оккупантами в адрес Русской православной церкви, изначально имели лицемерно-пропагандистский характер. В оперативном приказе № 10 от 16 августа 1941 г. шеф РСХА (Главного имперского управления безопасности) Р. Гейдрих указывал: «О воссоздании прежней Патриаршей Русской Церкви не может быть и речи. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив, желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектанства на советско-русском пространстве» [7, с. 184–185].

Гейдрих же издал секретную директиву от 31 октября 1941 г., где говорилось о необходимости «освободить» православие от еврейского влияния, поскольку «ясно, что заключение “избранного богом народа” в гетто и искоренение этого народа <...> не должно нарушаться духовенством, которое, исходя из установки православной церкви, проповедует, будто исцеление мира ведет свое начало от еврейства. <...> разрешение церковного вопроса в оккупированных восточных областях является чрезвычайно важной задачей... Эта задача имеет, однако, своей предпосылкой закрытие находящихся в восточных областях Церквей, зараженных еврейскими догматами» [7, с. 192].

Чем дальше шла война, тем более бесцеремонно вели себя гитлеровцы по отношению к РПЦ – поощряя деятельность раскольников, заставляя священнослужителей участвовать в своих идеологических акциях, даже пытаясь внести изменения в богослужебный и канонический строй церкви. Когда же пришла пора им отступить под ударами Красной Армии, захватчики совершенно распоясались и перестали считаться с чувствами верующих. Они грабили, оскверняли, взрывали и поджигали православные храмы. Согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, всего за годы войны гитлеровцы уничтожили или повредили 1670 православных церквей и 69 часовен [8, с. 146].

Конечно, и в победившем СССР положение РПЦ оставалось далеко не благополучным. Многие приходы, открывшиеся во время войны, позднее были закрыты, а на рубеже 1950–1960-х гг. антирелигиозная компания в стране достигла новых высот. И все-таки советский период отечественной истории, завершаясь, подвел нас ко Второму Крещению Руси (в терминологии современных православных авторов). В случае же победы гитлеровской Германии над Советским Союзом любая Русь, хоть Святая, хоть грешная, должна была бы исчезнуть навсегда, а христианское наследие Европы превратилось бы в никчемный мусор под ногами строителей грандиозной языческой империи. Согласиться с такой перспективой Русская православная церковь не могла, поскольку не отказывалась быть «русской» и «православной».

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, С. Н. Расизм и христианство / С. Н. Булгаков // Тайна Израиля: «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX – первой половины XX вв. – СПб. : София, 1993. – С. 352–405.
2. Митрофанов, Г., протоиерей. Трагедия России : «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике / протоиерей Г. Митрофанов. – СПб. : Моби Дик, 2009. – 240 с.
3. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера / Г. Пикер. – Смоленск : Русич, 1993. – 472 с.
4. Пленков, О. Ю. Третий Рейх. Арийская культура / О. Ю. Пленков. – СПб. : Нева, 2005. – 480 с.
5. Пленков, О. Ю. Третий Рейх. Социализм Гитлера / О. Ю. Пленков. – СПб. : Нева, 2004. – 480 с.
6. Романова, И. Народная молва о власти большевиков (На примере 1930-х годов) / И. Романова // Деда : дайджест публ. о белорус. истории ; сост. и науч. ред. А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2010. – С. 116–129.
7. Шкаровский, М. В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов : сб. док. / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье. Об-во любителей церков. истории, 2003. – 368 с.
8. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М. В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее подворье. Об-во любителей церков. истории, 2000. – 400 с.

УДК 316.75:316.614

ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Н. М. Звёздкин

*Учреждение образования «Белорусский государственный
университет», г. Минск*

Произведен социологический анализ представлений о патриотизме среди белорусской молодежи на современном этапе развития общества. Выявлено соотношение между общепринятой нормативной трактовкой содержания патриотизма и фактическим пониманием данного феномена молодым поколением, на основании чего обозначены актуальные пути развития сферы патриотического воспитания в системе государственной молодежной политики.

Патриотическая проблематика не теряет своей актуальности в различных исторических, социально-политических и экономических условиях. Обусловлено это потребностями социальных систем в поддержании собственной устойчивости и развитии. Обеспечение данных процессов во многом относится к сфере патриотизма как социального феномена.

В связи с поливариантностью представлений о сущности патриотизма существует множество подходов к определению данного явления.

Так, в философском словаре патриотизм характеризуется как «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины» [1, с. 358].

По мнению В. Г. Моисеенко, патриотизм представляет собой «сложную систему мировоззренческих взглядов и социальных установок, ценностных ориентаций личностей и социальных общностей, нравственных и духовных ценностей, убеждений и чувств, детерминирующих любовь к Родине и своему народу, готовность к их защите и самопожертвованию во имя их процветания» [2, с. 5].

С точки зрения М. Ю. Узгорок, патриотизм является ценностью культуры и представляет собой уникальный социальный феномен, обеспечивающий процесс самоорганизации общества в направлении сохранения своей идентичности и оптимизации прогресса [3, с. 3].